

Гарри почти улыбнулся, когда шёл от стола Гриффиндора к столу Когтеврана, чтобы поболтать с Полумной, и услышал за спиной знакомый протяжный голос:

— Потти. Вот уж не думал, что ты падёшь настолько низко, чтобы встречаться с грязнокровкой. Или она просто даёт тебе возможность 'расслабиться', как и должны делать слуги?

— Вот оно, Гермиона. Хорёк никогда не мог держать рот на замке, — подумал Гарри. — Скоро всё внимание окажется на мне, а Снег сидит за столом преподавателей.

— Только не распаяйся слишком уж сильно, — ответила Гермиона, которая уже была у лестницы в подzemелье. — Помни, что на его стороне Амбридж.

Повысив голос, чтобы люди вокруг могли его слышать, Гарри ответил:

— Полагаю, твой отец знает о прислуживании куда больше меня, — произнёс он абсолютно спокойным голосом. — Кстати, а твоя мать тоже ползает на коленях перед Тёмным Лордом?

— Не впутывай в это мою мать, шрамоголовый!

— То есть как, она не даёт Волан-де-Морту... как уж ты сказал... возможность 'расслабиться'? Неужели этим занимается твой отец, и именно поэтому он постоянно стоит перед Волан-де-Мортом на коленях?

Взгляды всех вокруг обратились к Гарри. Драко вскочил с места, побагровев от злости. Он уже сунул руку в карман за палочкой, но не достал её: он посмотрел за плечо Гарри, и на его лице расплзлась злобная усмешка.

Гарри услышал из-за спины голос, который надеялся не услышать больше никогда.

— Кхе-кхе, — раздалось мерзко-приторное покашливание Долорес Амбридж. — Что здесь происходит, мистер Поттер?

— Снег ещё там? — спросила Гермиона. — Его дверь была заперта, мне пришлось отпирать. И ещё надо проверить, нет ли дополнительных защитных чар.

Гарри бросил взгляд на преподавательский стол. Снег по-прежнему сидел там, смотря на Гарри с кривой ухмылкой. Гарри заметил, что на него смотрит ещё и профессор МакГонагалл, чей взгляд, казалось, умолял его не делать глупостей.

— Да, он ещё здесь, — ответил Гарри, прежде чем повернуться к Амбридж, взглянув прямо в её маленькие жабы глаза. — Ничего, профессор.

— Директор Амбридж, мистер Поттер, — пропела та, надуваясь от воображаемой значимости, что сделало её ещё более похожей на жабу. — Я слышала, вы упомянули определённого тёмного волшебника. Вы снова распространяете свою ложь, мистер Поттер?

— Я всего лишь ответил на оскорбление хорьком, то есть Малфоем, моей подруги, — ответил Гарри. — Вы же не думаете, что кто-то из людей его сорта, — добавил Гарри, растягивая слова на манер самого Малфоя, — может поверить моей, как вы говорите, лжи?

— Минус тридцать очков Гриффиндору за оскорбление члена Инспекционной дружины, — мгновенно отреагировала Амбридж. — Я могу лично поручиться за семью молодого Малфоя,

как за хороших друзей министра и меня самой. Ни слова больше, мистер Поттер, если не хотите получить отработку.

— Достала, — услышал Гарри мысль Гермионы. — Выхожу из его кабинета.

Усилием воли Гарри сдержал улыбку. Покосившись на преподавательский стол, он увидел, что Снегг по-прежнему сидит на своём месте, а МакГонагалл, кажется, затаила дыхание.

— Хорошо, профессор.

— Ну вот и отлично, — сказала Амбридж с чувством превосходства.

Гарри прошёл мимо Амбридж и сел слева от Полумны, которая снова ела в одиночестве. Посмотрев на преподавательский стол, он заметил, что кубок в руке МакГонагалл слегка наклонился в его сторону. Гарри еле заметно кивнул и повернулся к Полумне.

Через пять минут к ним присоединилась Гермиона, извинившись за долгую отлучку в туалет достаточно громко, чтобы это слышали окружающие. Ни один из них больше не покидал Большой зал, пока из него не вышел Снегг.

Чтобы укрепить своё алиби, сразу после ужина Гарри с Гермионой направились в библиотеку. Гермиона задала мадам Пинс несколько вопросов, не особо подозрительных, но достаточно редких для того, чтобы она запомнила, после чего они оба уселись за стол рядом со столом библиотекарки и продолжили готовиться к СОВ.

— Ты знаешь, как пользоваться Омутом? — спросила Гермиона.

— Снегг и Дамблдор просто помещали туда свои воспоминания, и он работал. Можно использовать и чужие воспоминания, — объяснил Гарри. — Вопрос в том, как извлечь воспоминания из разума. Есть идеи?

— Нет, если честно.

— Может, Сириус знает? — предположил Гарри.

— Возможно, — согласилась Гермиона, обшаривая библиотеку глазами и борясь с желанием сейчас же начать искать книги по работе с памятью. — Лучше пока не искать самим, это может быть подозрительно.

— Ты ведь говорила, что завтра днём у меня прорицания и ЗоТИ?

— Да, — кивнула Гермиона, снова сверившись с органайзером.

— Раз уж я не буду сдавать СОВ по прорицаниям, мне не нужно туда ходить, так что можно прогулять Защиту и сосредоточиться на том, как извлекать воспоминания.

— А как на это отреагирует Амбридж?

— Да какая разница?

История магии следующим утром была скучнее, чем Гарри её помнил. Однако он, не желая расстраивать Гермиону, не давал себе заснуть, тем более что профессор Биннс рассказывал о сдаче СОВ. Что-то из этого он помнил из теста двухгодичной давности, а что-то — из заметок Гермионы, которые они читали вчера, но большую часть, как оказалось, он успел позабыть.

Время от времени Гермиона вставляла мысленные комментарии вроде 'этого в тесте не будет' или 'а тут достаточно помнить требования к эссе', позволяя Гарри сосредоточиться на самом важном.

На следующем за историей магии сдвоенном зельеварении Гарри было куда легче бодрствовать. Снегг тоже говорил о сдаче СОВ, но при этом почти не отводил взгляда от Гарри. Сам же Гарри пытался понять, что ощущает в отношении зельевара. Человек, который был другом детства его матери, но ненавидел её происхождение. Тот, кто практически без раздумий пожертвовал сыном женщины, которую вроде как любил. Тот, кто пообещал защищать этого сына, но упорно старался сделать его жизнь хуже. Гарри снова и снова прокручивал в голове воспоминания, полученные от Снегга в будущем. И, как он ни пытался, час воспоминаний не мог затмить шесть лет издевательств, особенно теперь, когда он знал, что Снегг не любил его мать.

— Ты в порядке, Гарри? — обеспокоенно спросила Гермиона, ощутившая раздраз его эмоций.

— Наверное. Просто всё думаю о Снегге. И не могу примириться с тем, как он относился ко мне все эти годы, — пояснил Гарри. — Вижу его и вспоминаю, как он издевался надо мной лишь из-за того, кем был мой отец. Вспоминаю его смерть в Визжащей хижине, вспоминаю воспоминания, которые он мне дал. Да, он шпионил для Дамблдора, но мне тут пришла в голову ещё одна мысль. Шпионил ли он для Дамблдора, чтобы помочь защитить меня, или для того, чтобы почувствовать себя важным?

— О чём ты?

— Снегг думает прежде всего о себе самом, — начал объяснять Гарри ход своих мыслей. — Как Пожиратель смерти он был одним из многих, не таким уж важным. Но как шпион он мог считать себя ценнейшим агентом волшебника, которого боялся сам Волан-де-Морт. Вспомни, что происходило перед его смертью. Он просил позволения найти и привести меня, и не пытался как-либо сбежать от Волан-де-Морта. Он знал, что мне нужна эта информация, но отказывался открыто предавать Волан-де-Морта, продолжал оставаться на обеих сторонах до последнего момента, когда змея вонзила клыки ему в шею. Если бы Волан-де-Морт победил и не убил его, Снегг был бы в безопасности. Если бы победил я, он тоже был бы в безопасности. Он не пожертвовал своей жизнью, он лишился её из-за ошибки Волан-де-Морта касательно Бузинной палочки.

— Но он всё-таки защищал студентов Хогвартса.

— А достаточно ли? Повторю, он играл за обе стороны. Джинни, допустим, он спас от пыток, потому что знал, как она мне нравилась, но как насчёт других учеников, которых наказывали Круциатусом? Нет, думаю, Снегг сделал лишь ровно столько, чтобы быть оправданным в случае моей победы.

Гермиона задумалась, посмотрев на профессора зельеварения.

— Возможно, ты... — мысль оборвалась на середине. — Нет, я думаю, что ты прав, Гарри.

Когда урок закончился, Гарри едва успел убрать учебник и записи в свою сумку, когда услышал еле слышимый голос зельевара:

— Поттер, задержитесь на минуту.

— Хочешь, чтобы я осталась с тобой? — спросила Гермиона.

— Нет, но на всякий случай не уходи далеко.

— Да? — спросил Гарри, поворачиваясь к Снеггу. — Надеюсь, окклюменция сработает, — подумал он, когда Снегг подошёл ближе и посмотрел ему в глаза.

— Верните его, Поттер.

— Что вернуть, сэр? — невинным тоном спросил Гарри.

— Вы сами знаете. Вы забрали директорский Омут памяти. И вы вернёте его обратно до конца дня. Я понятно выразился?

— Сэр, я ничего не забирал. Когда он пропал, сэр?

— Вы и сами прекрасно знаете, что прошлым вечером.

— Простым вечером я был на ужине, а затем в библиотеке. Можете спросить у мадам Пинс. И потом, зачем мне мог понадобиться Омут памяти?

Смотря на Снегга, Гарри ощутил лёгкое возмущение в разуме и понял, что это была пассивная атака легилименцией. Он чуть не улыбнулся, когда на лице профессора появилось озадаченное выражение.

— Борись, Гарри, — сказала Миранда. — Ты знаешь как.

— Что?

Но тут Гарри понял, что и вправду знал. Он вызвал воспоминание, которое видел в Омуте два года назад, и толкнул в направлении чужого присутствия тот фрагмент, в котором Снегг назвал его мать грязнокровкой. Выражение гнева и изумления на лице зельевара было бесценно, но всего через долю секунды он выхватил палочку и произнёс 'Легилименс!'.